

НИКОЛАЙ ХОЛОДКОВ

Глобальный финансово-экономический кризис

Истоки и геоэкономические последствия кризисных процессов

Особенности и параметры кризиса

За прошедшие пять лет с начала глобального финансово-экономического кризиса 2008—2009 годов совокупность вызванных им проблем не потеряла своей остроты и злободневности. Если не по глубине, то по масштабам и последствиям его можно сравнить лишь с Великой депрессией 1930-х годов. Возникнув в ипотечном сегменте финансового рынка США, он быстро распространился на реальный сектор и обрел планетарные масштабы. В его зоне оказались страны и регионы, отличающиеся по уровню развития производительных сил, социальной и политической ориентации. Кризис охватил более 80 процентов мировой экономики (в годы Великой депрессии — 92,4 процента)¹. Лишь отдельным странам удалось сохранить положительную, но замедленную динамику роста. По своим качественным характеристикам кризис вышел за рамки чисто экономических и социальных параметров и обрел геополитическую проекцию.

¹ См. «CEPAL. Panorama de la inserción internacional de América Latina y el Caribe, 2008—2009». Santiago de Chile, 2009. P. 21.

Если рассматривать кризис с формальной точки зрения, как элемент цикла «рост—падение—рост», то можно говорить о затухании его ниспадающей фазы. Несмотря, однако, на прохождение наиболее острого этапа и отдельные разрозненные признаки улучшения, состояние мировой экономики и ближайшие перспективы ее развития по-прежнему проблематичны. Возобновившийся в 2010 году подъем производства не трансформировался в процесс устойчивого и динамичного роста. В основных центрах мировой экономики сохраняется ситуация нестабильности и низкой деловой активности. Налицо обострение социальных и внутривнутриполитических проблем.

Периодически появляющиеся в мировой печати тревожные предупреждения о возможности прихода второй волны кризиса не лишены оснований. Выход крупнейших экономик из рецессии во многом был осуществлен за счет беспрецедентной денежной эмиссии. В США, например, совокупный объем первой и второй волн так называемого количественного смягчения составил 2,3 триллиона долларов. В сентябре 2012 года Федеральная резервная система (ФРС) объявила новый раунд вливания ликвидности в экономику, в рамках кото-

рого предусматривается ежемесячное приобретение со стороны ФРС казначейских облигаций и ипотечных обязательств на 40 миллиардов долларов. В ЕС в ходе двух долгосрочных операций рефинансирования Европейский центральный банк выдал 1 триллион еврокредитов².

Однако причины системного провала в функционировании институтов и рынков все же не были ликвидированы. Политика стимулирования деловой активности за счет бюджетных ресурсов привела к наращиванию правительственных обязательств. В США, в частности, государственный долг достиг в 2012 году 106,6 процента объема ВВП и продолжает расти опережающими темпами. Близкие к этому уровню показатели были зарегистрированы в стране лишь в 1947 году (110 процентов) в связи с высокими расходами в ходе Второй мировой войны. Остро стоит проблема бюджетного дефицита. Основные риски связаны с угрозой «фискального обрыва», достижением «потолка» долга и с волатильностью финансовых рынков.

Сохраняются негативные тенденции и в других ведущих государствах индустриального мира. Япония, экономика которой уже длительное время переживает стагнацию, оказалась перед лицом высокого бюджетного дефицита и рекордного уровня долга (235,8 процента ВВП)³. Особенно серьезные трудности испытывают страны еврозоны, куда переместился эпицентр кризиса. В зоне повышенного риска находятся такие страны, как Греция, Португалия, Италия. Объем госдолга этих стран по отношению к ВВП составил в 2011 году соответственно 160,8, 106,8 и 120,1 процента. Для сравнения: критерии экономической стабильности, ус-

тановленные Маастрихтским договором для стран—членов еврозоны, предписывают удержание госдолга в рамках 60 процентов ВВП. По негативному сценарию развиваются события в Испании, по существу, балансирующей на грани дефолта.

Евросоюз предпринял существенные усилия, чтобы не допустить катастрофического провала в экономике и развала еврозоны. Пока, однако, не произошло кардинального изменения ситуации к лучшему. Согласно данным ОЭСР, в 2012 году экономика 17 входящих в еврозону стран сократится на 0,1 процента, а в 2013-м прирост ВВП составит лишь 0,9 процента⁴. На фоне неуверенного восстановления производства, граничащего с вхождением в рецессию, остается острой проблема занятости. Уровень безработицы в еврозоне на конец 2012 года прогнозируется в размере 10,8 процента (10,0 процентов в 2011 году). Наиболее тревожные показатели сохраняются в Испании (25,1 процента) и Греции (23,1 процента). В этих двух странах также был зафиксирован самый высокий уровень безработицы среди молодежи (от 15 до 24 лет) — соответственно 52,9 и 53,2 процента⁵.

О сохранении инерционных тенденций в центрах капитализма свидетельствует и возобновившееся на уровне компаний и банков повышение объема производных инструментов (деривативов), сыгравших крайне негативную роль в развитии кризиса. С 2010-го по 2011 год, по данным Банка международных расчетов, совокупный объем деривативных контрактов увеличился с 601 триллиона до 648 триллионов долларов⁶. Для

⁴ См. «OECD Economic Outlook». P., 2012. P. 14.

⁵ См. *ibid.* P. 33.

⁶ См. «Bank for International Settlements. Amounts outstanding of over-the-counter (OTC) derivatives». — www.bis.org/statistics/derstats.htm

² См. www.vestifinance.ru/articles/8305

³ См. «IMF World Economic and Financial Surveys. Fiscal Monitor April 2012». Wash., 2012. P. 67.

сравнения: совокупный мировой ВВП составляет всего лишь 70 триллионов, то есть порядка 10 процентов от этой позиции. Объем деривативов на балансах американских банков повысился, согласно данным Федеральной службы по контролю за денежным обращением США, со 165 триллионов в конце 2007-го до 230,8 триллиона долларов по состоянию на конец 2011 года. Из них 95 процентов пришлось на долю пяти крупнейших банков. Эту пятерку возглавляет JP Morgan Chase (88 триллионов долларов). За ним следуют Bank of America (38 триллионов), Citigroup (32 триллиона), Goldman Sachs (30 триллионов) и Wells Fargo (5 триллионов долларов)⁷. При таких объемах концентрации производных финансовых инструментов даже самые незначительные колебания на рынках способны вызвать «лаvinу», которая в состоянии смести выстраиваемые в последние годы защитные механизмы мировой валютной системы.

Характеризуя нынешнюю ситуацию, известный американский исследователь Кеннет Рогофф отметил, что «ошибки, повлекшие кризис 2008 года, не исправлены. Шансы немедленного повторения финансового краха немного снижены. Законы и регламентирующие документы, изданные в начале кризиса, в основном были “заплаткой” для сохранения статус-кво. Однако во всех других отношениях, по существу, ничего не изменилось»⁸.

Действительно, в целом речь по-прежнему идет о накопившихся и не решенных в экономически развитых странах вопросах растущего суверен-

ного долга, углубляющегося бюджетного дефицита и глобальных дисбалансов. Таким образом, не выполнив своей «очищающей миссии», кризис принял очаговый характер при сохранении угрозы перерастания локальных (страновых или региональных) проблем в новую рецессию и ее распространения на другие страны и сегменты глобальной экономики.

Истоки и причины кризиса

К настоящему времени недостигнуто консолидированного мнения ни о природе последнего кризиса, или, по определению Дж. Стиглица, «великой рецессии» (по аналогии с Великой депрессией 1930-х годов), ни о том, какой должна быть политика в области развития в посткризисный период. Разброс мнений остается довольно широким. Имеющиеся трактовки заслуживают самого пристального внимания. Но нередко они акцентируют внимание на каком-то одном, хотя и важном компоненте проблемы, не отражая комплексного или многомерного характера происходящих в мире изменений. Нельзя не согласиться с российским исследователем А. Фурсовым, по замечанию которого «кризисные явления чаще всего анализируются изолированно, в результате чего суть целого исчезает. Если же говорить о целом, то мир не просто переживает кризис, а находится на таком переломе, аналогов которому в истории до сих пор не было»⁹. Теория цикличности, утверждающая, что спираль всегда возвращается на новый уровень, но с той же закономерностью, в данном случае не дей-

⁷ См.: «Comptroller of the Currency. OCC's quarterly report on bank trading and derivatives activities. Fourth quarter 2011». Wash., 2012. Graph 2, 4; **Т. Сафонова**. Как деривативы стали финансовым оружием массового поражения. — www.vedomosti.ru/finance/analytics/29701

⁸ Цит. no: www.vestifinance.ru/articles/16734.

⁹ Цит. no: **О. Ю. Маслов**. Глобализация: этапы глобализации, доллар-глобализация, кризис-глобализация или процесс глобализации глазами мыслящих глобально (заметки по новейшей глобальной истории). — www.polit.nnov.ru/2009/09/26/glob5ethronolog26/

ствуется. Речь идет, по существу, не об очередном цикле, а о формировании качественно новых трендов в развитии глобальной экономики.

В мировом экономическом сообществе продолжают дискуссии относительно причин и природы нынешних потрясений. Говоря, однако, об истоках, нельзя не отметить особенности развития мировой экономики в предкризисный период. В последние два-три десятилетия истекшего столетия на механизм экономического цикла решающее влияние стали оказывать процессы глобализации производства, торговли, финансовых потоков. Взаимозависимости национальных экономик, последствия неравномерного развития и борьба за ресурсы стали источником возросшей волатильности мировых рынков. Все больший удельный вес в цикличности стали занимать структурные составляющие, порождаемые диспропорциями в развитии отдельных стран, сфер и отраслей производства. Кризисы приобретали все более глубокий характер и уже не укладывались в границы отдельных национальных хозяйственных комплексов. Этот период, как отмечал известный исследователь мировых финансовых кризисов Чарльз Киндлбергер, «можно назвать беспрецедентным с точки зрения нестабильности цен на товары, валюту, недвижимость и ценные бумаги, а также исходя из частоты и жестокости финансовых потрясений»¹⁰.

Многослойность и сложность проблем, проявившихся в 2008—2009 годах, отразилась и на трактовке истоков кризиса. Мнения различны — от объяснения его причин «отсутствием эффективного регулирования рынка и надзора за финансовыми

организациями»¹¹ до выдвижения на первый план вопроса об истощении сложившейся на протяжении последних десятилетий модели глобальной экономики.

Наиболее же распространенным является мнение о сугубо финансовом характере кризиса. А среди причин выделяют либерализацию кредитно-финансовой сферы, дерегулирование международных потоков капитала, недооценку рисков и чрезмерную опору банковских институтов на привлеченные средства в годы, предшествовавшие кризису. То есть кризис интерпретируется как сугубо финансовый, возникший на рынке ипотечного кредитования США и по цепочке распространившийся на другие сегменты финансовой системы и на реальную экономику.

Практически к аналогичному выводу пришла и созданная по решению президента Б. Обамы специальная комиссия американского конгресса по расследованию причин кризиса 2008—2009 годов. Итоговый отчет был обнародован в январе 2011 года¹². Кризис, по заключению авторов доклада, спровоцировали следующие факторы: провалы в финансовом регулировании, нарушения в области корпоративного управления, которые привели к чрезмерным рискам; чрезмерно высокая задолженность домохозяйств; широкое распространение «экзотических» ценных бумаг (деривативов), рост нерегулируемой «теневой» банковской системы.

Вина, таким образом, была возложена на банкиров, финансовых регуляторов и политиков. Банки брали на себя слишком большие риски, в то время как регулирующие органы не

¹⁰ Ч. Киндлбергер, Р. Алибер. Мировые финансовые кризисы. Маниа, паника и крахи. СПб., 2010. С. 15.

¹¹ «IMF. Lessons of the financial crisis for the future regulation of financial institutions and markets and for liquidity management. Prepared by the monetary and capital markets department». Approved by J. Caruana. Wash., 2009. P. 3.

¹² См. *ibid.*

принимали должных мер, чтобы этого избежать. Обвинения выдвинуты и в отношении бывшего главы Федерального резерва Алана Гринспена в том, что он «не смог воспрепятствовать увеличению объема “токсичных” ипотечных кредитов, а также за насаждение идеи о том, что финансовые институты вполне могут регулировать себя самостоятельно»¹³.

В целом среди сторонников сугубо финансовой природы кризиса можно выделить три основные точки зрения. В рамках первой причины кризиса озвучивают бесконтрольное использование Соединенными Штатами своего статуса страны—эмитента резервной валюты. Согласно второй предпосылки заключаются в кредитных ловушках «общества потребления». Сторонники третьей точки зрения акцентируют внимание на бесконтрольном развитии финансовых рынков.

В подобной трактовке в обобщенном варианте отражаются те сдвиги, которые имели место в экономике индустриальных центров. Здесь на протяжении последних десятилетий произошли важные качественные изменения. Они связаны с перемещением производства стандартной и массовой промышленной, в том числе машиностроительной, продукции в быстроразвивающиеся страны — Мексику, Китай, Индию, Бразилию и др. Структура производства в ведущих экономиках мира все более смещалась в сторону сферы услуг. В США, например, доля отраслей материальной сферы в ВВП сократилась с 40 процентов в начале 1950-х до 20 процентов в начале 2000-х годов¹⁴.

¹³ «The Financial crisis inquiry report. Final report of the National Commission on the causes of the financial and economic crisis in the United States». Wash., 2011. P. 35.

¹⁴ См. **R. Lopez**. Crisis económicas mundiales, escasez de recursos ambientales y concentración de la riqueza. — «Revista de la CEPAL» (Santiago de Chile). 2010. № 102. P. 32.

Заметно вырос удельный вес финансовых рынков. Их растущее влияние сопровождалось массивным накоплением финансовых активов и внедрением целого ряда институциональных инноваций, предопределивших увеличение уровней задолженности домохозяйств, корпоративного и государственного секторов. Виртуальная экономика стала более привлекательной для вложения средств по сравнению с реальными производственными активами. В США доля финансового сектора в совокупных корпоративных прибылях увеличилась с 7,5 процента в 1983-м до 40 процентов в 2007 году¹⁵.

Глобальные финансовые операции с денежной эмиссией, обменными курсами и кредитными сделками стали в несколько раз превышать размеры реальной экономики. Проблему усугубил массовый запуск в оборот через многоступенчатую цепь деривативов, — по мнению экспертов ЮНКТАД, «весьма сомнительных инструментов с точки зрения их вклада в рост общественного благосостояния»¹⁶. Секьюритизация и другие подобные инновации нарушили традиционные взаимоотношения между кредиторами и заемщиками. Финансовая составляющая приобрела самодовлеющее значение и фактически потеряла связь с реальной экономикой.

С учетом этих факторов, утрата или даже ослабление контроля за процессами в финансовой сфере не могли не привести к очередному обвалу на фондовых и кредитных площадках. По мнению Алана Гринспена, в этих условиях «если бы секьюритизированные американские низкокачественные кредиты не оказались слабым звеном глобальной финансовой системы, то его роль сыграл бы какой-

¹⁵ См. «UNCTAD. Trade and development report, 2009». N. Y.; Geneva, 2009. P. VIII.

¹⁶ *Ibid.* P. IX.

нибудь другой финансовый продукт или рынок»¹⁷.

Однако, выдвигая на первый план при объяснении причин возникшей турбулентности фактор «неэффективного контроля», упускается из виду, что финансовая компонента является лишь одним из системных элементов глобальной экономики, взявшей старт еще в 1990-е годы. Ее главными составляющими стали дерегулирование и либерализация. Именно последние рассматривались в качестве основного регулятора хозяйственной жизни во всех ее проявлениях. В этом контексте снижение уровня контроля за функционированием финансового рынка стало, по существу, лишь отражением или следствием изъянов модели глобальной экономики и ее ведущих сегментов в лице США, Западной Европы и Японии, которые во многом определяли основные контуры, идеологические и геополитические параметры мирового развития.

Не случайным представляется то, что по мере углубления рецессии обозначилась более широкая трактовка возникших в мировом хозяйстве аномалий. На сегодняшний день многие авторитетные представители политических, экономических и научных кругов сходятся во мнении о наличии целого ряда причин и факторов возникновения столь масштабных перекосов в мировой экономике. Как отмечают уже упоминавшиеся выше американские исследователи К. Рогофф и К. Рейнхарт, «серьезные финансовые кризисы редко случаются изолированно от других событий. Они являются скорее “не спусковыми крючками спада”, а чаще механизмами его усиления»¹⁸.

¹⁷ А. Гринспен. Эпоха потрясений. Проблемы и перспективы мировой финансовой системы. М., 2009. С. 493.

¹⁸ К. М. Рейнхарт, К. С. Рогофф. На этот раз все будет иначе. Восемь столетий финансового безрассудства. М., 2011. С. 175.

Формы проявления последнего кризиса, его продолжительность и связанные с ним, по выражению Кристин Логард, «сдвиги тектонических платформ в глобальной экономике»¹⁹ дают основание полагать, что его истоки не носят изначально финансового характера. Не являются они, вопреки мнению МВФ и Всемирного банка (ВБ), лишь следствием отсутствия эффективного регулирования рынка и надзора за кредитными организациями²⁰. Глобальные диспропорции возникли не в последние годы. Они связаны с преобладающими тенденциями в эволюции мировой экономики, итогами ее развития на протяжении последних десятилетий. Небезынтересно высказывание экспертов такой авторитетной в международных экономических кругах организации, как Экономическая комиссия ООН для стран Латинской Америки и Карибского бассейна. По их мнению, «кризис не является лишь выражением слабости финансового регулирования, ни результатом морального кризиса, вызванного жадностью и алчностью. Кризис стал отражением конца модели развития и открывает двери для дискуссий о дальнейших путях социально-экономического прогресса»²¹.

Причины возникших в мировом хозяйстве турбулентных процессов носят многоплановый характер и свидетельствуют о кризисе глобальной системы в целом. Налицо комплексная девальвация структуры глобального управления, основополагающих идей современного миропорядка. В сочетании с переходом к

¹⁹ IMF. — <http://www.imf.org/pdf>

²⁰ См. «IMF. Lessons of the financial crisis for the future regulation of financial institutions and markets and for liquidity management». P. 3.

²¹ А. Barcena. Restricciones estructurales del desarrollo en América Latina y el Caribe: una reflexión postcrisis. — «Revista de la CEPAL» (Santiago de Chile). 2010. № 100. P. 8.

новой фазе технологического цикла это предопределило масштабность финансово-экономических провалов. Кроме того, сохранение нынешней модели, взявшей старт еще в 1990-е годы, стало причиной крайне неустойчивого состояния экономики в основных индустриальных центрах и в посткризисный период.

Системные аспекты кризиса

По совокупности основных качественных и количественных характеристик, и прежде всего по своим последствиям, кризис быстро трансформировался в системный. Он вызвал к жизни или усилил тенденции и процессы, которые находились в латентном или заторможенном состоянии. Под его влиянием они приобрели более четкое и структурированное выражение, стали оказывать все более существенное влияние на формирование парадигмы мирового развития в ее экономическом, идеологическом и геополитическом содержании. Можно выделить ряд ключевых, на наш взгляд, системных аспектов последнего кризиса.

Формирование новой конфигурации центров экономического роста. Тема смещения экономического баланса сил в мире стала занимать одно из центральных мест в развернувшихся дискуссиях о развитии глобальной экономики в посткризисный период. Несмотря на различия в количественных оценках обозначившихся тенденций, многие исследователи придерживаются точки зрения о появлении новых центров экономического роста и влияния. Эти сдвиги стали одним из ключевых факторов современного геоэкономического процесса. И речь идет не только о Китае и Индии. Изменения происходят практически по всему периметру развивающихся стран. Удельный вес последних в глобаль-

ном ВВП (по паритету покупательной способности) вырос с 33,7 процента в 1980 году до 43,4 процента в 2010-м. По оценкам Всемирного банка, опережающая тенденция сохранится и в последующие пять или более лет²². Доля развивающихся стран в мировом экспорте увеличилась с 22 процентов в 1980 году до 45 процентов в 2010-м, а в притоке прямых иностранных инвестиций (ПИИ), соответственно, с 7 до 47 процентов²³.

С учетом преобладающих ныне тенденций можно полагать, что смещение центров роста носит не конъюнктурный, а долгосрочный характер. По результатам многих прогнозов, уже в ближайшие двадцать лет соотношение сил в мировой экономике может радикально измениться в пользу развивающихся стран. По данным британского отделения «Pricewaterhouse Coopers» (PwC), к 2020 году совокупный ВВП семи крупнейших восходящих рынков (Бразилия, Индия, Индонезия, Китай, Мексика, Россия, Турция) превысит ВВП семи главных индустриальных стран (США, Япония, Германия, Великобритания, Франция, Италия, Канада). Если в 2000 году суммарный ВВП (по ППС) семи индустриальных стран превосходил размер семи развивающихся экономик более чем вдвое, то к 2007 году разрыв сократился до 60 процентов, а по итогам 2010-го — до 35 процентов. При сохранении нынешних трендов к 2020 году разрыв будет сведен к нулю. А к 2030 году развивающаяся семерка обгонит семерку ведущих ныне индустриальных государств на 35 процентов.

Действительно, международные связи в настоящее время работают уже

²² См. Р. Зеллик. Конец третьего мира? — <http://web.worldbank.org/website/external/exstrussianhome>

²³ См. «The World Bank. Postcrisis growth and development. A Development Agenda for the G-20». Wash., 2011. P. 9; «CEPAL. Panorama de la inserción internacional de América Latina y el Caribe, 2010—2011». Santiago de Chile, 2011. P. 60.

не только в направлении Север—Юг, но и Юг—Север. Локомотивом выхода из рецессии стали не экономически развитые, а развивающиеся страны, среди которых выделялись Бразилия, Индия, Китай, Малайзия, Филиппины, Таиланд и Южная Корея (на их долю приходится примерно 55 процентов ВВП стран с формирующимся рынком)²⁴. По прогнозам Всемирного банка, с 2011 до 2025 годы развивающиеся экономики будут иметь ежегодный прирост в 4,7 процента, а развитые — только 2,325 процента²⁵. До 2025 года движущей силой станет растущая мощь и влияние восходящих рынков.

Все большее число стран и регионов перестают быть простыми объектами геополитических процессов, растёт их стремление проводить собственную политику, нередко противоречащую стратегии великих держав.

С учетом нынешних трендов отмеченные выше прогнозные оценки не выглядят несбыточными. Однако, как свидетельствуют эмпирические данные, экономическое развитие далеко не всегда линейно, и фактическая динамика ВВП может существенно отличаться от прогнозных показателей. Так, до 1990 года активно обсуждался вопрос о том, что лидирующей экономикой мира станет Япония. Но этого не произошло, хотя прогнозы выглядели достаточно обоснованными. Кроме того, нельзя не учитывать и тот

факт, что на рост Китая и ряда других развивающихся стран определенное влияние оказывает эффект низкой базы. Сказывается также и экстенсивная модель их развития. Здесь до сих пор сохраняется высокий резерв низкоквалифицированной рабочей силы, которая активно включается в производственный процесс. В то же время довольно существенным остается разрыв в объеме доходов на душу населения, в масштабах нищеты и бедности, в уровнях производительности труда и других социально-экономических параметров. Однако преобладающие ныне тренды свидетельствуют о наличии серьезных сдвигов на мировом геополитическом пространстве.

Эрозия однополярного мира. В настоящее время растущее экономическое могущество Китая, благоприятные прогнозы экономического роста Индии и ряда других быстрорастущих экономик позволяют говорить о том, что мир находится в ста-

дии формирования многополярности и постепенного передела сферы политического и экономического влияния. Все большее число стран и регионов перестают быть простыми объектами геополитических процессов, растёт их стремление проводить собственную политику, нередко противоречащую стратегии великих держав. Качественное отличие нынешней ситуации состоит и в том, что число ведущих игроков мировой политики пополнилось за счет новых держав, региональных группировок, международных организаций, оказывающих существенное влияние на мировые события.

США по-прежнему остаются ведущей и самой мощной державой мира, но главная особенность современ-

²⁴ См. «Banco mundial. Del colapso global a la recuperación. Ajuste económico y perspectivas de crecimiento para América Latina y el Caribe». Wash., 2010. P. 8.

²⁵ См. «Multipolarity: The new global economy». Wash., 2011 (Global development horizons 2011). P. 3.

ного геополитического процесса состоит во вхождении Китая и Индии в высшую лигу глобальной политики. Ряд стран — Бразилия, Турция, Индонезия, Южная Корея — также повысили свой статус. Все более уверенно заявляют о себе в качестве важных субъектов мировой экономики такие страны, как Аргентина, Мексика, ЮАР. Заметно ускорился, в частности, процесс экономического, социального и политического обновления Бразилии. По итогам 2010 года, по размерам ВВП (2,17 триллиона долларов по ППС) она опередила Италию и вплотную приблизилась к Великобритании (2,23) и Франции (2,19)²⁶. Бразилия все более позиционирует себя как «тяжеловес» в мировой экономике и политике.

На этом фоне наблюдается процесс снижения удельного веса США в мировой экономике. По ряду количественных параметров Китай уже сейчас приблизился к США — как ни один из американских конкурентов за весь XX век. В 2008 году размер китайской экономики (по ППС) составлял 42,8 процента от американской, а в 2010-м — 69,2 процента²⁷. Если темпы экономического роста Китая сохранятся, то к 2020 году экономики сравняются (по объему ВВП), а к 2030-му Китай окажется впереди примерно на 20 процентов. Подобный сценарий весьма вероятен и пользуется широким признанием. Растет удельный вес и других поднимающихся стран. Так, объем ВВП Индии (по ППС) в 2001 году был на уровне 51 процента от ВВП Японии, а в 2010-м — 97 процентов²⁸.

Расклад сил в мировой экономике начинает меняться, и этот процесс будет, видимо, продолжаться и дальше. До начала кризиса роль США как центра координации глобальной макроэкономической политики практически не подвергалась серьезной критике.

Однако рецессия, начавшаяся в декабре 2007 года, и сохраняющаяся до сих пор в стране нестабильность ослабили американскую экономику и поставили под сомнение способность США и далее играть роль финансового и экономического лидера. Соединенные Штаты постепенно перестают быть локомотивом мировой экономики.

Примечательно, что в 2008 году Национальный совет по разведке США впервые признал, что глобальная мощь Америки действительно движется по нисходящей траектории. В одном из своих периодических футуристических отчетов «Глобальные тенденции-2025» совет упомянул «беспрецедентный в мировой истории переход мирового богатства и экономической мощи от Запада к Востоку» в качестве основного фактора в упадке «сравнительной силы Соединенных Штатов — даже в военной сфере». По мнению совета, «по размерам, скорости и направленности потока происходящий ныне перенос богатства и экономического влияния с Запада на Восток не имеет прецедентов в современной истории»²⁹.

В ситуации ослабления превалирующих позиций Запада активизировался процесс формирования новых экономических и политических структур — БРИКС, Шанхайская организация сотрудничества, Союз южноамериканских наций (Унасур) и др. — с их стремлением выйти на глобальный уровень разработки и принятия решений. Как показала практика последних лет, сегодня фактически невозможно решать глобальные вопросы в одностороннем порядке. Оказались востребованными новые коллективные форумы. Одним из них стала G20, возникшая в экстремальных условиях кризиса. Опасения по поводу того, что глобальная экономика находится на

²⁶ См. <http://search.worldbank.org/data>

²⁷ См. *ibid.*

²⁸ См. *ibid.*

²⁹ «Мир после кризиса. Глобальные тенденции-2025: меняющийся мир. Доклад Национального разведывательного совета США». М., 2009. С. 8.

границ катастрофы, ускорили переход от «большой семерки» к формату G20, включающему крупнейшие экономики мира и самые важные формирующиеся национальные рынки.

Такое расширение экономической координации представляет собой признание новой группы глобальных экономических игроков. Создание «группы двадцати» явилось косвенным подтверждением того, что западные страны не в состоянии справиться с мировыми экономическими проблемами в одиночку. По существу, это стало отражением тенденции к перебалансировке сил в мире и его движения в сторону многополярности.

Кризис идеологических концепций. Одним из главных следствий кризиса стало растущее сомнение, причем не только в экспертных, но и в правительственных кругах, в эффективности экономического либерализма. В ряде случаев ставится вопрос о замене идеологических концепций XX века и доминировавших ранее ортодоксальных теорий и точек зрения относительно проведения макроэкономической политики³⁰. Мировой экономический кризис подорвал веру в непогрешимость рынков.

Можно говорить об ослаблении позиций сторонников идеи превосходства либерального капитализма и ограничения роли государства. Кризис выявил системные недостатки, присущие функционированию нерегулируемых глобальных рынков. Так, перед угрозой депрессии Вашингтон и другие экономически развитые государства пошли на национализацию провалившихся системообразующих финансовых компаний и банков, на вливание сотен миллиардов

долларов в экономику. Была поставлена под сомнение концепция монетаризма, в основе которой лежит положение о том, что априори рынки конкурентны и рыночная система в состоянии автоматически достигать макроэкономического равновесия. В разгар кризиса практически все ведущие промышленно развитые страны были вынуждены перейти на «ручное» управление. Без существенных государственных вливаний денежных средств в экономику и на поддержку обанкротившихся финансовых институтов большинство стран были обречены на финансовый коллапс.

Под влиянием кризиса маятник сдвинулся от монетаризма к кейнсианской концепции в вопросе о роли государства в формировании и реализации экономической политики. По мнению П. Кругмана, «идеи Джона Мейнарда Кейнса, проанализировавшего сущность Великой депрессии, оказались в настоящее время более значимы, чем когда-либо»³¹. В профессиональных и общественных дискуссиях все убедительнее стали звучать аргументы в пользу признания за государством специфических функций, требующих не просто установления правил игры на рынке и контроля за их соблюдением, но и непосредственной работы на хозяйственном поле. Точнее, на тех его направлениях, которых избегает частный капитал в силу их низкой рентабельности, высоких рисков и длительных сроков окупаемости.

Обострение структурных проблем мировой финансовой системы. Под влиянием кризиса на новый уровень вышел вопрос о реформировании мировой финансовой архитектуры. Наибольшую остроту приобрела проблема ослабления позиций американского доллара. Медленное и неустойчивое восстановление экономики США, сохраняющийся бюд-

³⁰ См., например: «The World Bank. Growth and development in emerging market and other developing countries. Report prepared by Staff of the World Bank for G20. Growth framework and mutual assessment process». Wash., 2010. P. 7.

³¹ П. Кругман. Возвращение Великой депрессии? М., 2009. С. 295—296.

жетный дефицит и растущий государственный долг предопределили рост недоверия к способности доллара выполнять функции мировой резервной валюты. Следует отметить, что идея введения глобального платежного средства, не связанного с национальной денежной единицей какой-либо страны, обсуждается уже не один десяток лет. В свое время еще Дж. М. Кейнс на Бреттон-Вудской конференции (1944) отстаивал идею мирового центробанка со своей собственной валютой (банкор).

Под влиянием кризиса идея совершенствования ныне существующей валютной системы приобрела конкретные очертания в форме выдвигаемых предложений. Если до недавнего времени этот вопрос имел в основном академический характер, то сегодня соответствующие выводы и рекомендации формулируются уже и в рамках международных организаций. В докладе ЮНКТАД за 2009 год содержится заключение, что «сложившаяся в мире валютная система неэффективна, тормозит развитие мировой экономики и является одной из основных причин финансового и экономического кризиса»³². В этом официальном документе многонационального института также подчеркивается, что роль доллара в качестве мировой резервной валюты должна быть пересмотрена. По мнению специалистов организации, новая валютная система не должна базироваться ни на одной, ни даже на нескольких национальных валютах. В качестве альтернативы доллару предлагается использовать специальные права заимствования (СПЗ), эмитируемые МВФ (созданы в 1969 году).

К аналогичному выводу пришла и экспертная комиссия ООН по реформе международной валютно-финансовой системы под руководством Дж. Стиг-

лица. Комиссия высказалась в пользу принятия по-настоящему глобальной резервной валюты, «доверие к которой и ее стабильность не будут зависеть от непредсказуемости экономики и политики единственной страны»³³. Эти предложения получили дальнейшее развитие в докладе ЭКОСОС. По мнению экспертов ООН, поскольку доллар США не является стабильным средством накопления, одно из требований, предъявляемых к резервной валюте, — «необходимо разработать новую систему, которая должна базироваться на выпуске международных ликвидных средств, а не на использовании национальных валют»³⁴.

Критические высказывания в отношении существующей валютной системы, а также выдвигаемые предложения по снижению международного статуса доллара имеют под собой вполне реальные основания, связанные, в частности, и со сложностью стоящих перед США финансово-экономических проблем. Положение доллара сейчас не такое прочное, как раньше. Однако вопрос далеко не так однозначен. Призывы найти замену американской валюте представляются труднодостижимыми, особенно в ближайшей перспективе. Профессор Калифорнийского университета Бенджамин Коэн объясняет, в частности, сложившуюся ситуацию отсутствием в настоящий момент реальной альтернативы доллару. Перефразируя известное высказывание У. Черчилля о демократии, Б. Коэн отметил, что «доллар может оказаться наихудшим решением, если не считать всех остальных»³⁵.

³³ См. Доклад Стиглица «О реформе международной валютно-финансовой системы: уроки глобального кризиса. Доклад Комиссии финансовых экспертов ООН». М., 2010. С. 273.

³⁴ «ЭКОСОС. Обзор мирового экономического и социального положения, 2010 год: переоснащение мирового развития». Н.-Й., 2010. С. 26.

³⁵ Б. Коэн. Будущее резервных валют. — «МВФ. Финансы и развитие». Вашингтон, 2009. Сентябрь. С. 26.

³² См. «UNCTAD. Trade and development report, 2009». Р. 121–129.

Вместе с тем декларации об изменении статуса доллара начинают дополняться конкретными практическими шагами, направленными, по крайней мере, на частичную нейтрализацию неконтролируемого поведения доллара на мировых валютных рынках. Стремление снизить зависимость от евро и доллара получило реальное воплощение на саммите стран БРИКС в Дели (28—29 марта 2012 года). Там были подписаны два важных документа: генеральное соглашение о предоставлении кредитов в национальных валютах и многостороннее соглашение о подтверждении аккредитивов в рамках механизма межбанковского сотрудничества БРИКС (обязательство приоритетного обслуживания транзакций банков этих стран). Это первый шаг на пути к переходу на национальные валюты во взаиморасчетах. Соглашением предусматривается создание базовых механизмов для осуществления расчетов и финансирования проектов в национальных валютах между уполномоченными банками участников БРИКС.

Кроме того, участники БРИКС выразили готовность рассмотреть выдвинутое Индией предложение о создании Банка развития «Юг—Юг» для финансирования инфраструктурных и инновационных проектов в развивающихся странах. Объявляя о возможности создания наднационального института развития и механизма взаимного кредитования, лидеры стран БРИКС выразили тем самым готовность к строительству собственной структуры, способной аккумулировать инвестиционные ресурсы и направлять их в те проекты, которые выгодны прежде всего самому блоку.

Под влиянием кризиса проблема дедолларизации приобрела довольно высокую актуальность. Потребность в образовании мировой валютной единицы имеет объективный характер. Сама логика глобализации хозяйст-

венной деятельности не соответствует функционированию национальных валют в роли мировых денег и в конечном счете подрывает основы такого функционирования. Однако продолжающиеся дебаты по поводу альтернатив американскому доллару, включая повышение роли СПЗ, пока не привели к каким-либо значимым результатам. Процесс выдвижения других альтернативных валют займет, видимо, сравнительно длительный период времени. При существенных расхождениях интересов отдельных государств (а также больших различиях между взглядами экономистов-теоретиков) достижение целей формирования международной валютной системы, которая была бы основана на использовании универсальной наднациональной валютной единицы, — это, видимо, целевая стратегическая установка на долгосрочную историческую перспективу. Наиболее вероятным представляется сценарий постепенного снижения роли доллара в мировых резервах и внешних расчетах по мере сокращения удельного веса США в мировой экономике. По прогнозам Всемирного банка, доллар перестанет быть основной мировой валютой к 2025 году. В докладе ВБ «Глобальные горизонты развития-2011» отмечается, что на протяжении этого периода может сложиться новая мультивалютная система: американский доллар утратит господство, евро и юань сравняются с ним по статусу³⁶. Данный сценарий поддерживается вероятностью того, что США, страны еврозоны и Китай станут к тому времени тремя главными полюсами экономического роста.

Под воздействием кризиса меняются акценты и в политике международных финансовых институтов, пытающихся адаптировать свою деятельность к новым императивам.

³⁶ См. «Multipolarity: The new global economy». Р. 7.

В частности, если в еще недавнем прошлом вводившиеся некоторыми странами меры контроля над движением капитала встречали жесткую негативную реакцию со стороны МВФ, то кризис заставил скорректировать эту устоявшуюся точку зрения. Растет понимание, что открытый рынок капитала в сочетании с нерегулируемым финансовым сектором представляет собой бомбу замедленного действия. В коллективной работе «Приток капитала: роль контроля», опубликованной в 2010 году группой сотрудников МВФ, использование ограничительной практики в отношении бесконтрольных потоков иностранного капитала признается в качестве полноправного инструмента антикризисной политики, который может укрепить экономическую стабильность развивающихся стран. В числе логичных мер авторы доклада называют налоги на финансовые транзакции и на краткосрочные внешние займы, резервирование процентов по ссудам в иностранной валюте, требования к минимально допустимому сроку инвестирования³⁷.

Это мнение было признано в качестве официальной точки зрения фонда (с определенными оговорками). В докладе совета директоров МВФ (декабрь 2012 года) закрепляется новое видение фонда касательно регулирования трансграничных потоков капитала: «Полная либерализация финансовых потоков не может считаться универсальной целью для всех стран во все времена. Временные ограничения могут быть обоснованны и полезны во время экономических шоков, а также когда прочие средства денежно-кредитной политики исчерпаны». Согласно документу, «в определенных

условиях меры, призванные ограничивать потоки капиталов, могут быть полезными и целесообразными»³⁸.

Новый подход МВФ является, по сути, признанием меняющихся реалий, включая усиление веса стран с формирующимися рынками, наиболее уязвимыми для спекулятивных потоков капитала. Заявленные принципы прямо противоречат ключевым постулатам «Вашингтонского консенсуса», который еще совсем недавно господствовал в мировой финансовой сфере.

К «переоснащению мирового развития»

Таким образом, говоря о характере и особенностях кризиса, можно выделить следующее. *Во-первых*, события 2008—2009 годов свидетельствуют, по существу, о кризисе модели глобальной экономики в лице нынешних индустриальных центров. Речь идет прежде всего о США, которые до последнего времени выступали в качестве эталона рыночного хозяйства, лидера технологических достижений и инноваций, и что не менее важно, источника идей и концепций о путях и формах развития мировой экономики и мироустройства в целом. Это не означает пока кардинального подрыва главенствующих позиций США. Тем не менее является свидетельством ослабления западоцентричного мира и появления на мировой арене новых игроков глобального масштаба и развития постамериканского мира. По мнению, например, известного американского ученого, автора книги «Конец истории и последний человек» Ф. Фукуямы и президента Центра глобального развития Н. Бердсолл, «американская версия капитализма,

³⁷ См. J. D. Ostry, R. Ghosh Atish, K. Habermeier, M. Chamon, S. Qureshi Mahvash, B. S. Reinhardt Dennis. Capital Inflows: The Role of Controls. IMF Research Department. Wash., 2010. P. 9.

³⁸ См. «IMF Executive Board discusses. The liberalization and management of capital flows. An institutional view». — www.imf.org/external/np/sec/pn/2012/pn12137.htm

если и не потеряла репутацию, то, по крайней мере, больше не является доминирующей. Запад, и в особенности США, впредь не будут рассматриваться как единственный центр инновационной социально-политической мысли. А когда дело касается международных организаций, голоса и идеи Соединенных Штатов и Европы доминируют все меньше»³⁹.

Во-вторых, причины глобального спада не сводятся к одной лишь экономике. Кризис не является в конечном счете чисто экономическим. Он имеет более общую основу — деградацию старой и становление новой системы миропорядка, что сопровождается обострением аномальных явлений в реальном и финансовом секторах хозяйства. Это выразилось в глубоком и многостороннем структурном кризисе, который затронул не только экономику, но также политические, идеологические и другие несущие конструкции современного мира.

В-третьих, повысилась актуальность вопроса о выходе на новый уровень взаимодействия в рамках глобальной экономики. Императивы устойчивого развития предопределяют необходимость создания условий и предпосылок для формирования взаимовыгодных и системных связей между всеми группами стран и регионов. Кризис особо оттенил растущую значимость развивающихся рынков. В этом контексте учет их интересов и особых потребностей, по замечанию экс-президента Всемирного банка Р. Зеллика, — «это уже не благотворительность и не солидарность, а вопрос собственной заинтересованности индустриальных государств»⁴⁰.

Дискуссии о перспективах и принципах построения глобальной экономики с учетом многополярной действительности сохраняют свою актуальность и поныне, а процесс сближения позиций пока далек, как представляется, от завершения. Несмотря, однако, на различия в подходах, превалирует общая идея о необходимости выхода на новые принципы мироустройства, наиболее адекватно отвечающие современным реалиям. По словам Ф. Фукуямы, под влиянием кризиса «рухнули не только крупнейшие компании Уолл-стрит, рухнул определенный набор представлений о капитализме»⁴¹.

В контексте сохраняющейся неопределенности и столкновения противодействующих тенденций выход на новое равновесное состояние потребует не просто корректировки национальных стратегий развития. На повестке дня поставлены вопросы фундаментального характера — выработка новых подходов к формированию на глобальном уровне институтов и механизмов, адекватных потребностям устойчивого социально-экономического прогресса с учетом таких проблем, как сохранение окружающей среды, энергетическая безопасность, преодоление социального неравенства, и другие насущные вопросы современности. Эксперты ООН определяют этот процесс как «переоснащение» мирового развития, то есть «осуществление кардинальной реформы механизмов управления глобальной экономикой и выработка новой парадигмы устойчивого роста»⁴². ◆

³⁹ N. Birdsall, F. Fukuyama. The Post-Washington Consensus. — «Foreign Affairs». 2011. March/April (<http://www.foreignaffairs.com/articles/67456>).

⁴⁰ Р. Зеллик. Конец третьего мира? — <http://web.worldbank.org>

⁴¹ F. Fukuyama. The fall of America. Inc. — www.newsweek.com/id/162401

⁴² «Переоснащение мирового развития. Обзор мирового экономического и социального положения, 2010 год. ООН. Департамент по экономическим и социальным вопросам». Н.-Й., 2011. С. 2.